

ПРОЛОГ

1912 год, март

В ту ночь, когда мир изменился, Гилфорду Лоу исполнилось четырнадцать.

Она стала историческим водоразделом, эта ночь, навсегда расколовшая жизнь на «до» и «после», но сначала был просто день его рождения. Самая обыкновенная мартовская суббота, под безоблачным небом, холодным и глубоким, как зимний пруд. Гилфорд со старшим братом весь день гоняли по двору обручи, выдыхая клубы пара.

На ужин мать подала тушеную свинину с фасолью, блюдо, которое Гилфорд обожал. Мясо с самого утра томилось в духовке, наполняя кухню сладковатыми ароматами имбиря и патоки. Был и подарок: альбом, в котором он будет рисовать картинки. А еще новый свитер, темно-синий, взрослый.

Гилфорд родился в 1898 году — можно сказать, вместе с двадцатым столетием. Младший из троих детей, он больше, чем его брат и сестра, принадлежал к веку, который их родители до сих пор именовали новым. Для него этот век новым не был. Гилфорд прожил в нем прак-

тически всю жизнь. Он понимал, как работает электричество. Он даже разбирался в радио. Он был человеком двадцатого века, втайне презиравшим прошлое — пыльное, пропахшее нафталином и пропитанное копотью газовых фонарей. В тех нечастых случаях, когда у Гилфорда заводились деньги, он покупал номер «Современной электрики» и зачитывал его до дыр.

Его семья жила в Бостоне, в скромном доме на окраине. Отец работал наборщиком в типографии. Дед, занимавший комнату на втором этаже рядом с лестницей на чердак, в Гражданскую войну воевал в Тринадцатом Массачусетском полку. Мать стряпала, следила за чистотой, вела семейный бюджет и растила на крохотном огороδικе томаты и фасоль. Брат, по всеобщему мнению, должен был непременно стать врачом или адвокатом. Сестра, худенькая и тихая, зачитывалась романами Роберта Чамберса. Отец этого не одобрял.

К тому моменту, когда небо вдруг озарилось ослепительным сиянием, Гилфорду уже давно полагалось лежать в постели, но его не отправили спать — то ли по случаю дня рождения, то ли просто потому, что он стал старше. Когда брат закричал, чтобы все скорее бежали к окну, Гилфорд вообще не понял, что происходит, а когда они в полном составе, даже дед, высыпали из кухни на задний двор и застыли, глядя на ночное небо, поначалу решил, что вся эта кутерьма имеет какое-то отношение к празднованию его дня рождения. Впрочем, очень скоро он понял, что это не так. Весь восточный край неба был объят заревом. Наверное, что-то горит, подумал он. Где-то далеко в море.

— Похоже на северное сияние, — не слишком уверенно произнесла мать.

Северное сияние трепетало, точно занавеска на легком ветру, и отбрасывало зыбкие тени на беленую изгородь и по-зимнему бурый сад. Громадная стена света переливалась, становясь то зеленой, как бутылочное стекло, то голубой, как вечернее море, и все это совершенно беззвучно. Прямо как комета Галлея два года тому назад.

Мать, должно быть, тоже вспомнила комету, поскольку сказала в точности те же слова, что и тогда:

— Словно конец света настает...

Почему она так сказала? Почему сплела пальцы и ладонями, как козырьком, прикрыла глаза? Гилфорд, втайне ликовавший, не верил, что это конец света. Сердце у него билось спокойно и ровно. Может, это начало чего-то нового? Не конец света, а зарождение нового мира? Рубеж эпох?

Гилфорд не боялся нового. Зарево на небе не казалось ему жутким. Он верил в науку, которая, как писали в журналах, одну за другой постигает тайны природы, терпеливо и настойчиво преодолевая многовековое невежество человечества. Гилфорд знал, что такое наука. Это всего лишь любопытство — помноженное на самоотверженность и подкрепленное дисциплиной.

Наука была для него умением смотреть — но не просто так смотреть, а пристально вглядываться в вещи, которых не понимаешь. Скажем, смотреть на звезды, не испытывая перед ними страха и не обожествляя их, а один за другим задавая себе вопросы с целью найти тот самый, который станет ключиком к следующему, а потом к следующему за следующим.

Погруженный во все эти размышления, Гилфорд еще долго сидел на выщербленных ступеньках заднего крыльца, когда все уже вернулись в гостиную. Ему было хорошо в одиночестве, тепло в новом свитере, и тонкая струйка пара от его дыхания поднималась в безмолвно полыхающее небо.

В последующие месяцы, годы и столетия будут приведены бесчисленные аналогии. Всемирный потоп, Армагеддон, вымирание динозавров. Но само это событие, пугающие сведения о нем и распространение этих сведений по тому, что осталось от мира людей, не имели ни параллелей, ни прецедентов.

В 1877 году астроном Джованни Скиапарелли нанес на карты каналы Марса. В последующие десятилетия эти карты воспроизводились, дополнялись и воспринимались как непреложный факт — до тех пор, пока с появлением усовершенствованных телескопов не стало понятно, что каналы были иллюзией, если только сам Марс за прошедшее время не успел измениться: такую возможность едва ли стоило полностью сбрасывать со счетов в свете того, что случилось с Землей. Быть может, что-то проникло в Солнечную систему из космоса, точно несомая ветром нитка; что-то эфемерное, но немисливо беспредельное; и это что-то двигалось от внешних краев Солнечной системы к центру, соприкасаясь по пути с холодными отдаленными планетами, проникая сквозь базальт и лед, сквозь застывшую мантию, сквозь всю безжизненную геологию. Изменяя то, с чем соприкасалось. Направляясь к Земле.

Небо наполнилось знаками и знаменами. В 1907-м — Тунгусский метеорит, в 1910-м — комета Галлея. Неко-

торые люди, подобно матери Гилфорда Лоу, полагали, что близится конец света. Уже тогда.

В ту мартовскую ночь небо над северо-восточными окраинами Атлантического океана пламенело ярче, чем во время визита кометы. Много часов подряд над горизонтом полыхало голубое и фиолетовое зарево. Свет, утверждали очевидцы, был похож на стену. Она простиралась вниз от зенита; граница проходила по воде.

Ее было видно из Хартума (на северном краю неба) и из Токио (еле-еле, далеко на западе).

Над Берлином, Парижем и Лондоном, над всеми европейскими столицами этим зыбким светом было объято все небо. Сотни тысяч людей высыпали на улицы, зачарованные холодным сиянием. Поток телеграфных депеш с описаниями из Европы захлестывал Нью-Йорк до без четырнадцати минут полуночи.

В 23:46 по восточному времени трансатлантический телеграфный кабель внезапно и необъяснимо умолк.

Это была эра легендарных кораблей: Великий Белый флот, лайнеры компаний «Кунард» и «Уайт стар лайн», «Тевтоника», «Мавритания» и прочие имперские мастодонты.

Кроме того, это была заря эпохи беспроводного радиотелеграфа, детища Маркони. Молчание трансатлантического кабеля могло иметь причиной любую из великого множества простых катастроф. Молчание европейских континентальных радиостанций было куда более зловещим.

Радисты лихорадочно слали сообщения и запросы через холодную, сонную Северную Атлантику. Никто не получал ни сигнала CQD¹, ни нового сигнала бедствия, SOS, ничего такого, что свидетельствовало бы о разыгравшейся в океане драме кораблекрушения, однако некоторые суда таинственным образом перестали выходить на связь, в том числе «Олимпик» компании «Уайт стар» и «Кронпринцессин Цецилия» компании «Гамбург — Америка» — флагманские лайнеры, на которых еще считанные минуты назад толстосумы из десятка различных стран толпились у заиндеветших лееров, чтобы поглазеть на феномен, расцветивший яркими отблесками по-зимнему темную океанскую гладь.

Эффектные и необъяснимые небесные огни внезапно исчезли перед самым рассветом — словно пылающий клинок соскользнул с горизонта. В растревоженных небесах над изрядной частью большого круга² вставало солнце. Море все утро было бурным, ветер порывистым, а временами даже неистовым. Между пятнадцатью градусами к западу от нулевого меридиана и сорока градусами к северу от экватора царила ничем не нарушаемая тишина.

Первым границу области, которую телеграфные агентства Нью-Йорка уже окрестили Стеной Загадок, пересек принадлежавший судоходной компании «Уайт

¹ CQD — тревожный сигнал вызова для судов, оборудованных радиоаппаратами компании «Маркони», первый сигнал бедствия в истории радиосвязи.

² *Большой круг* — здесь: круг, получаемый при сечении земного шара воображаемой плоскостью, проходящей через его центр. Навигация по большому кругу позволяет определить кратчайшее расстояние между двумя точками на гипотетическом земном шаре.

стар» заслуженный лайнер «Орегон», шедший из Нью-Йорка курсом на Куинстаун и Ливерпуль.

Его капитан, американец Тракстон Дэвис, чувствовал важность ситуации, хотя и понимал ее ничуть не лучше остальных. Изобретению Маркони он не доверял. Радиостанция, которой был оснащен «Орегон», представляла собой громоздкий искровой передатчик с дальностью действия от силы в сотню миль. Сообщения, случалось, доходили в искаженном виде; слухи о кораблекрушении нередко бывали преувеличены. Но Дэвису довелось оказаться в Сан-Франциско в 1906 году и бежать по Маркет-стрит что было мочи, спасаясь от пожара, и он слишком хорошо знал, на какие шутки способна природа.

События предыдущей ночи он благополучно проспал. Пассажиры могли сколько угодно глазеть на небо, он же предпочитал уют койки. Разбуженный ни свет ни заря взволнованным радистом, капитан прочитал радиограммы, затем приказал главному механику поддерживать огонь в котлах, а главному стюарду сварить кофе на весь экипаж. Его тревога еще только поднимала голову, а настрой оставался скептическим. «Олимпик» и «Кронпринцессин Цецилия» находились в считанных часах ходу к востоку от «Орегона». Если поступит настоящий сигнал бедствия, капитан прикажет старшему помощнику вести корабль на выручку, а до тех пор... ну, словом, они будут держать ухо востро.

Все утро Дэвис отслеживал радиограммы. Это были вопросы и запросы, перемежаемые бодрими, но взволнованными приветствиями (ДУС — доброе утро, старина!) от крошечного сообщества морских радистов.

Беспокойство капитана росло. Заспанные пассажиры, напуганные рокотом взъерившихся вдруг моторов, наседали на него, требуя объяснений. За обедом он соборил делегации обеспокоенных представителей первого класса, что судно пытается ликвидировать отставание от графика, вызванное ледовой обстановкой, и попросил их воздержаться от отправки радиogramм, поскольку передатчик в ремонте. Стюарды донесли эту ложь до второго и третьего классов. Дэвис по опыту знал, что пассажиры как дети: полны самомнения, но готовы проглотить любую мало-мальски правдоподобную версию, если она способна умерить их атавистический ужас перед морем.

К обеду порывистый ветер и волнение улеглись. Сквозь рваную пелену облаков проглянуло бледное солнце.

Ближе к вечеру впередсмотрящий доложил, что северо-восточнее дрейфует какой-то предмет — скорее всего, перевернувшаяся спасательная шлюпка. Дэвис сбавил скорость и подвел лайнер поближе. Он уже было решил приказать, чтобы спускали шлюпки и готовили грузовую сеть, но тут второй помощник опустил подзорную трубу и произнес:

— Сэр, по-моему, это не шлюпка.

Они поравнялись с предметом. Это и впрямь была не шлюпка.

Что беспокоило капитана Дэвиса, так это отсутствие любых догадок о том, что же именно обнаружено.

Объект безжизненно покачивался на волнах, и на его длинных боках играло зимнее солнце. Раздутый ис-

полинский кальмар или осьминог? Часть какого-то существа, это несомненно, да только за двадцать семь лет, проведенных на море, Дэвис не видел ничего похожего.

Рэйф Бакли, молоденький старпом, проводил взглядом тушу, пружинисто ткнувшуюся в скулу «Орегона» и медленно поплывшую к корме, раскручиваясь против часовой стрелки в холодной, спокойной воде.

— Сэр, — спросил он, — что вы об этом думаете?

— Я понятия не имею, что об этом думать, мистер Бакли. — Дорого бы дал капитан за то, чтобы вообще не увидеть этой диковины. — Похоже на... Ну, в общем, на какого-то червя.

Существо и в самом деле было суставчатым, кольчатым, как червь. Но назвать его червем означало допустить существование червя настолько огромного, что он мог бы проглотить трубу «Орегона». И уж точно никакой червь не похвастается наличием рваных кружевных отростков — плавников? жабр? — вроде тех, что торчали из этой туши на равных расстояниях друг от друга. Да и окрас, густо-розовый и маслянисто-синий, как у утопленника... И голова... Конечно, если эту острозубую и безглазую утробу можно назвать головой.

Миновав корму, червь перевернулся и открыл глазам глянцевитое белое брюхо, уже объеденное акулами. Пассажиры высыпали на прогулочную палубу, но зловоние вскоре заставило всех, кроме самых стойких, ретироваться вниз.

Бакли огладил усы:

— И что, во имя всего святого, мы им скажем?

«Скажи им, что это морское чудище, — подумал Дэвис. — Или кракен. Может, это и в самом деле так».

Но Бакли ждал серьезного ответа.

Дэвис долго смотрел на встревоженного старпома.

— Чем меньше будет сказано, — произнес он, — тем лучше.

Море кишело загадками. Потому-то Дэвис и ненавидел его.

«Орегон» первым вошел в гавань Корк-Харбор, двигаясь в холодных лучах восходящего солнца без береговых огней и фарватерных знаков. И те и другие отсутствовали. Судно встало на якорь вблизи острова Грейт-Айленд, там, где находились доки и крупный порт Куинстаун.

Вернее, там, где им полагалось находиться.

Факт, который не укладывался в голове, заключался в том, что никакого города на берегу словно и не было никогда. Гавань пребывала в первозданном состоянии. Там, где должны были лежать улицы Куинстауна — царства грузовых лебедек, стивидоров, грузоотправителей и ирландских эмигрантов, — темнел девственный лес, подступавший вплотную к скалистому берегу.

Сей факт был столь же бесспорным, сколь и невероятным, и при одной мысли об этом у капитана Дэвиса голова шла кругом, а к горлу подкатывала тошнота. Ему очень хотелось верить, что штурман по ошибке привел судно в какую-нибудь дикую бухту или вообще к другому континенту, но характерные очертания острова и затянутае облаками побережье графства Корк решительно невозможно было спутать ни с чем другим.

Это были Куинстаун, Корк-Харбор и Ирландия, вот только все следы человеческой цивилизации словно корова языком слизнула.

— Но этого же не может быть, — сказал он Бакли. — Не хочу говорить очевидные вещи, но суда, которые вышли из Куинстауна всего шесть дней тому назад, стоят сейчас в порту в Галифаксе. Я бы еще понял, случись землетрясение или цунами и мы бы обнаружили город в руинах, но чтобы такое!

Всю ночь Дэвис провел в обществе старпома на капитанском мостике. Пассажиры, проснувшиеся от того, что замолкли моторы, снова начали собираться на палубе. Наверняка у них возникла масса вопросов. Но сделать тут ничего было нельзя; у Дэвиса не было для них ни объяснения, ни утешения, даже какая-нибудь успокоительная ложь не приходила на ум. С северо-запада подул промозглый ветер. Холод вскоре даже самых стойких погонит искать укрытие. Быть может, за ужином Дэвис обнадежит пассажиров, если найдет способ.

— И зелень, — произнес он вслух, не в силах ни отогнать, ни хотя бы заглушить пугающие мысли. — Слишком много ее для этого времени года. Откуда в марте может взяться столько зелени, чтобы она поглотила ирландский город?

— Это совершенно неестественно, — пробормотал Бакли.

Они переглянулись. Заявление старпома было настолько очевидным и патетическим, что Дэвис с трудом удержался от смеха. Он выдал нечто отдаленно похожее на ободряющую улыбку.

— Пожалуй, завтра отправим небольшую экспедицию, чтобы обследовать береговую линию. А пока лучше не строить никаких догадок... Тем более что у нас это не очень хорошо получается.

Бакли слабо улыбнулся в ответ:

— Скоро начнут подходить другие суда...

— И тогда мы убедимся, что не сошли с ума?

— Ну да, сэр. По-другому и не скажешь.

— А до тех пор предлагаю действовать осмотрительно. Главное, чтобы радист не сказал ничего лишнего. Мир и так скоро обо всем узнает.

Они некоторое время молча смотрели в холодную утреннюю серость. Стюард принес им по кружке дымящегося кофе.

— Сэр, — нерешительно начал Бакли, — у нас не хватит угля, чтобы вернуться в Нью-Йорк.

— Ну, есть же и другие пор...

— Если в Европе еще остались другие порты.

Дэвис сдвинул брови: такая мысль ему в голову не приходила. Наверное, бывают вещи слишком чудовищные, чтобы их могла вместить человеческая голова.

Он распрямил плечи:

— Мы судно компании «Уайт стар», мистер Бакли. Нас не бросят на произвол судьбы, даже если придется отправить сюда углевоз из Америки.

— Да, сэр. — Бакли, который совершил когда-то ошибку, решив изучать богословие, с мольбой посмотрел на капитана. — Сэр... по-вашему, это какое-то чудо?

— Скорее уж трагедия. Во всяком случае, для ирландцев.

Рэйф Бакли верил в чудеса. Сын методистского священника, он вырос на историях о Моисее, неопалимой купине, воскрешенном Лазаре, умножении хлебов и рыб. И тем не менее он никогда не надеялся увидеть чудо собственными глазами. Чудеса, как и рассказы про привидения, вызывали у него беспокойство. Бакли предпочитал, чтобы чудеса оставались на страницах Библии — эту книгу, к стыду его так ни разу и не открытую, он хранил в своей каюте.

И теперь, когда чудо окружало его со всех сторон, от горизонта до горизонта, он чувствовал себя так, будто под ногами разверзлась земля. За всю ночь практически не сомкнул глаз. Утром из зеркала на него смотрело бледное красноглазое лицо, а бритва дрожала в руке. Чтобы обуздать нервы, он проглотил изрядное количество черного кофе и запил его виски из фляги, а потом, выполняя распоряжение капитана, спустил на воду баркас и во главе группы взбудораженных матросов отправился к галечному пляжу острова, который прежде именовался Грейт-Айлендом. Ветер свежел, море волновалось, с севера надвигались клочья сизых дождевых туч.

Капитан Дэвис хотел знать, можно ли в случае необходимости высадить пассажиров на берег. Бакли в этом сомневался с самого начала; сегодня же сомнения окрепли. Он помог пришвартовать баркас, чтобы не унесло приливом, и направился вглубь острова. Ноги у него промокли, плащ, волосы и усы были в соленых брызгах. Пятеро мрачных бородатых матросов молча двинулись следом по каменистому берегу. Возможно, здесь и правда только что стоял Куинстаун, но

Бакли чувствовал себя Колумбом или Писарро на новом континенте, покрытом первобытным лесом. Этот лес темнел впереди — безбрежный, маняще-грозный, — и от его вида Бакли было очень не по себе. Он приказал матросам остановиться задолго до того, как они дошли до деревьев.

Бакли про себя называл их деревьями, но даже с капитанского мостика «Орегона» было видно, что это растения, каких он раньше не смог бы и вообразить: исполинские голубые или ржаво-красные стебли, из которых во все стороны плотными пучками щетинятся иглы. Некоторые стебли скручивались наверху в спираль, точно молодые побеги папоротника, или распускались колокольчиком, или увенчивались луковицеобразным наростом, похожим на купол турецкой мечети. Промежутки между этими растениями были узкими и темными, как барсучьи норы, и заполнены густым туманом. В воздухе пахло сосновой хвоей, но с какой-то посторонней ноткой, горькой и непонятной, напоминавшей то ли мяту, то ли камфару.

Эти заросли не походили на нормальный лес ни видом, ни запахом, ни — что, пожалуй, было хуже всего — шумом. Настоящий лес в ветреный день — лес его детства в штате Мэн — полнился потрескиванием веток на морозе, или шорохом дождя в листве, или другими такими же уютными звуками. Но здешний лес был совсем не таков. Эти деревья, должно быть, полые внутри, подумалось Бакли. Несколько колод, замеченных на берегу, были пустотелыми, как бамбук, и каждый порыв ветра извлекал из них тихие протяжные стоны. А пучки иголок негромко клацали, как деревянные колокольчики. Или кости.

От одного этого звука Бакли охватило жгучее желание повернуть назад. Но у него был приказ. Он совладал с собой и повел маленькую экспедицию по каменистому берегу вперед, к краю этого неземного леса; там пришлось идти сквозь желтые стебли тростника по колено высотой, торчащие из твердой черной земли. Наверное, стоило бы воткнуть в эту землю флаг... вот только чей? Точно не звездно-полосатый американский и даже не британский «Юнион Джек». Может, красный с белой звездой флаг «Уайт стар лайн»? «Именем Господа и Джона Пирпонта Моргана провозглашаем эту землю нашей!»

— Смотрите под ноги, сэр, — предостерег его шагавший следом матрос.

Бакли поспешил опустить голову и успел заметить какую-то тварь, бросившуюся наутек из-под его левого сапога. Бледная и многоногая, длиной с угольную лопату, она с пронзительным криком скрылась в зарослях тростника, напугав Бакли до полусмерти.

— О господи! — воскликнул он. — Это уже слишком! Высаживать здесь пассажиров было бы безумием. Я доложу капитану Дэвису...

А матрос по-прежнему неподвижно глядел вниз.

Бакли неохотно опустил взгляд снова.

И увидел вторую тварь, похожую на многоножку, только с анаконду толщиной и такого же тошнотворно-желтого цвета, как трава. Видимо, защитная окраска — явление в природе распространенное. Это было даже любопытно — жутко, но любопытно. Бакли отступил на полшага, опасаясь, как бы тварь не дернулась.

Она и дернулась, но вовсе не так, как он ожидал. Точно резко отпущенная пружина, бросилась к нему и в следующий миг обвилась вокруг ноги. Бакли тотчас ощутил жар чуть выше колена, где тварь острием своей кинжалообразной морды проколола ткань брюк и кожу.

Она его укусила!

Бакли вскрикнул и затряс ногой. Потом заозирался в поисках ножа, или палки, или любого предмета, при помощи которого можно было бы оторвать от себя это чудище. Но вокруг не было ничего, кроме бесполезной сухой травы.

Существо вдруг сползло с человеческой ноги, как будто ему не понравился вкус, и скрылось в зарослях.

Бакли, овладев собой, обернулся к помертвевшим от ужаса матросам. Нога болела не сильно. Он сделал несколько глубоких вздохов, намереваясь сказать подчиненным что-нибудь ободряющее, велеть им, чтобы не трусили, но потерял сознание, не успев произнести ни единого слова.

Матросы дотащили его до баркаса и переправили на «Орегон». Его ноги, которая уже начала опухать, они старались не касаться.

После обеда на мостик прорвались пятеро пассажиров второго класса с требованием отпустить их с судна. Ирландцы, они узнали Корк-Харбор даже в этом видоизмененном обличье; на суше у них остались семьи, и они хотели отправиться на поиски выживших.

Капитан, уже успевший выслушать донесение разведчиков, сильно сомневался, что эти пятеро успеют продвинуться хотя бы на несколько ярдов вглубь ост-

Уилсон Р. Ч.

У 36 Дарвиния : роман / Роберт Чарльз Уилсон ; пер. с англ. И. Тетериной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 448 с. — (Азбука-фантастика).

ISBN 978-5-389-23022-4

В 1912 году случилось Чудо, и история свернула в новое русло. На месте старой Европы появилась Дарвиния, удивительный континент — обиталище невиданных растений и опаснейших тварей. Люди, те, кто выжил, восприняли Чудо по-разному. Для одних это глобальная катастрофа, для других — акт божественного творения, для третьих — шанс создать новую империю.

Молодой фотограф Гилфорд Лоу, уроженец США, где теперь царит религиозный фундаментализм, отправляется на Дарвинию в составе исследовательской экспедиции. Он даже не в силах вообразить, какие испытания поджидают его на этом пути — и какое умопомрачительное открытие ему предстоит совершить...

Роман удостоен премии «Аврора» и номинировался на премию «Хьюго».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ЧАРЛЬЗ УИЛСОН

ДАРВИНИЯ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Валентина Дик
Корректоры Юлия Теплова, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 04.04.2023. Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 19,74.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

H-AKF-31971-01-R